

Проект издательского дома "Эпоха"

Духовный мир дагестанцев

ДАГЕСТАНСКИЕ СВАТЫНИ

Книга вторая

Амри Р. Шихсаидов
Дагестанские святыни.
Книга вторая
Серия «Духовный мир дагестанцев»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8673200
*Дагестанские святыни: Кн. 2 / Сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов.:
Эпоха; Махачкала; 2008
ISBN 978-5-98390-051-6*

Аннотация

Второй выпуск сборника «Дагестанские святыни» посвящен выдающимся памятникам истории, материальной культуры народов Дагестана, жизни и научному наследию известных представителей духовной элиты, науки, просвещения, поэтического творчества, культуре рукописной и печатной книги. История городов и грандиозных оборонительных комплексов, подобных Даг-бары – Великой Кавказской стене, дополняется рассказами о ряде дагестанских селений – административных, торгово-ремесленных и интеллектуальных центрах, известных далеко за пределами региона.

Содержание

предисловие	4
Древние города Дагестана. Оборонительные сооружения	8
Даг-бары – Великая Кавказская стена	8
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дагестанские святыни. Книга 2 Составитель А. Р. Шихсаидов

предисловие

Предлагаем читателям вторую книгу серии «Дагестанские святыни». Первая книга, опубликованная в 2007 году, была высоко оценена научной общественностью, многочисленные читатели отзывались о ней добрым словом. Издательский дом «Эпоха», представивший свою продукцию в номинации «Книги по гуманитарным наукам», получил Диплом XVII Международного конкурса «Лучшие книги России». Книга стала также лауреатом Конкурса на лучшую научную книгу 2007 года в номинации «Гуманитарные науки», организованного Фондом развития отечественного образования.

Издательский дом «Эпоха» планирует продолжение серии «Дагестанские святыни», посвященной выдающимся деятелям науки, образования, культуры, судьбоносным событиям многовековой истории дагестанского народа, первоклассным памятникам истории, городам и селениям, выдви-

нувшимися как административные, экономические, образовательные, интеллектуальные центры и определившим культурно-исторический облик дагестанского общества, непревзойденным памятникам письменной культуры.

Одним словом, наша научно-популярная серия рассказывает на своих страницах о памятниках, личностях, событиях, ставших священными для дагестанского общества.

В создании предлагаемой читателю второй книги «Дагестанские святыни» приняли участие ученые Дагестана, историки-востоковеды, археологи, литературоведы. Книга открывается обстоятельной статьей профессора М.С. Гаджиева о Даг-бары, всемирно известной Великой Кавказской стене – свидетельнице многих важнейших военно-исторических событий.

Раздел «Административные, торгово-экономические центры» представлен статьями профессора Б.Г. Алиева «Акуша – административный, историко-культурный, экономический центр» и научных сотрудников З.А. Магомедовой и С.Х. Газимагомедовой об историческом прошлом старинного селения Кудали.

В рубрике «Страна алимов, страна поэтов» представлена концептуальная статья академика Г.Г. Гамзатова о творческом величии Гамзата Цадасы. Здесь же – очерк профессора А.Р. Шихсаидова «Саид Араканский» о творческом и литературном наследии выдающегося деятеля просвещения и ученого, о его сложном жизненном пути. Об извест-

ных суфиях и мухаджирах второй половины XIX в. Мухаммад-хаджи и Шарапуддине из Кикунни рассказывает научный сотрудник З.Б. Ибрагимова.

Наиболее значительным по объему и весьма значимым оказался раздел «Памятники письменной культуры». Научный сотрудник Н.А. Тагирова дает очерк о жизни руководителя народно-освободительного движения на Северо-Восточном Кавказе имама Шамиля в Калуге «глазами его историографа Абдурахмана Газикумухского» на основе историко-этнографического трактата, написанного им на арабском языке в 1865 г. Рукопись-автограф Абдурахмана хранится в Институте рукописей Академии наук РАН в Санкт-Петербурге. О творчестве дагестанских катибов – переписчиков, создателей дагестанской арабоязычной литографической книги рассказывает кандидат исторических наук М.Н. Османова. Искусство художественного оформления дагестанской литографированной книги стало предметом исследования старшего научного сотрудника А.А. Исаева, автора большого числа книг и статей об арабографической литературе на дагестанских языках.

Дагестанская арабоязычная периодическая печать впервые стала объектом внимания в трудах кандидата исторических наук А.Р. Наврузова, основанных на основательном изучении знаменитой газеты «Джаридат Дагистан», важного историко-культурного памятника. Уже более 25 лет дагестанская историография не знает научных работ, посвящен-

ных богатейшему эпиграфическому наследию народов Дагестана. На этом фоне особую значимость приобретает обзор средневековых эпиграфических текстов из Чихтиля, сделанный заведующим кафедрой арабской филологии факультета востоковедения ДГУ, доцентом З.Ш. Закарияевым.

А.Р. Шихсаидов

Древние города Дагестана. Оборонительные сооружения

Даг-бары – Великая Кавказская стена

М.С. Гаджиев

В середине VI в. н. э. в центре Евразии произошли важные политические события – на арену истории вышло новое мощное кочевническое государственное образование – Тюркский каганат, который с первых лет своего существования начал вести активную внешнюю политику, стремясь взять под свой контроль основные торговые пути между Востоком и Западом и, прежде всего, Великий Шелковый путь, приносивший огромные доходы. Это неминуемо столкнуло экономические и внешнеполитические интересы Тюркского каганата и другой великой державы раннего средневековья – Сасанидского Ирана. Первоначальные союзнические отношения Ирана и каганата, скрепленные в 554 г. браком шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) с тюркской принцессой, вскоре (к 567 г.) переросли в откровенно враждебные. Официальным поводом к военным действиям послужило унижительное требование кагана Истеми-хана (хакан Син-

джибу арабских источников, Силзибул, Дизабул византийских авторов) выплаты дани. Основной же причиной войны были борьба за монополию в торговле шелком между Востоком и Западом, за контроль караванных путей и рынки сбыта.

Но еще накануне этих событий Иран испытал очередные, говоря словами албанского историка Мовсеса Каланкатвацци (VII в.), «разбойничьи набеги врагов» – кочевников. Наиболее крупным из них явилось вторжение 551 г., когда «хазирьы пленили страну Алуанк (Албанию. – *М.Г.*)», повлекшее перенос в 552 г. престола патриарха Албанской церкви из Дербента (Чора) в Партав. Это вторжение нашло отражение и в известии арабского историка ат-Табари (839–923) о нашествии в это время на кавказские владения Сасанидов «народов абхаз, банджар, баланджар и алан».

Ответной мерой Хосрова Ануширвана стали организация в 560 г. крупной военной кампании в Прикаспийский Дагестан, а затем в 562 г., после заключения в конце 561 г. мирного договора с Византией, нового успешного похода «в сторону хазар», т. е. в северо-западный Прикаспий, в результате которого Хосров, как выразился ат-Табари, «отомстил за обиды по отношению к его подданным». Усмирение кочевников Северо-Западного Прикаспия дало возможность приступить к укреплению существовавших оборонительных сооружений и созданию новых защитных рубежей. После этих успешных военных кампаний Хосров Ануширван, как ин-

формирует ат-Табари, «завоевал Бурджан, затем вернулся и построил ал-Баб ва-л-абваб», т. е. Дербент.

Между 567–570 гг. каган Истеми (Синджибу) подчинил себе кочевников Северо-Западного Прикаспия и приморского Дагестана – племена абхаз, банджар и баланджар, которые «изъявили покорность». Вслед за этим он предъявил Хосрову ультиматум с требованием выплаты денежных средств; в противном случае каган угрожал вторгнуться в пределы Ирана. Хосров Ануширван «не придавал значения его угрозам и отверг то, что он требовал, надеясь на свои укрепления в области Ворота Сул», т. е. в районе Дербентского прохода. В ответ на это в 570 г. каган Синджибу, не будучи осведомлен о создании оборонительных укреплений в Дербентском проходе, со 110-тысячным войском предпринимает организацию крупного похода, но известие о неприступных сооружениях вынуждает его остановить начатую кампанию. И в следующем 571 г. Тюркский каганат уже был вынужден заключить мир на весьма выгодных для Ирана условиях.

Как показал комплексный анализ сведений письменных источников, среднеперсидской надписи № 3, высеченной на северной городской стене Дербента и содержащей дату строительства («год 37» правления Хосрова) и определение произведенных трудов затрат, сооружение укреплений Дербента на первом этапе работ (строительство северной городской стены и цитадели) было осуществлено в течение одного го-

да – в 568–569 гг. К этому времени Иран обладал огромными финансовыми средствами, полученными от Византии в качестве контрибуции и по условиям договоров: по ирано-византийскому договору 531 г. Константинополь выплатил Ирану 110 кентинариев золота (3,6 т) на охрану и содержание кавказских проходов; в 540 г. Хосров получил с четырех византийских городов (Иераполь, Апамея, Халкида, Эдесса) выкуп в размере более 5 тонн серебра и 4 кентинариев (130 кг) золота; в 544 г. Эдесса вновь уплатила выкуп в 5 кентинариев (около 162 кг) золота; в 545 г. император Юстиниан за 5-летнее перемирие заплатил Хосрову 20 кентинариев (650 кг); согласно мирному договору 561 г. Византия уплатила Ирану в 562 г. 210 тыс. солидов (955,5 кг золотых монет), а в 568 г. еще 90 тыс. солидов (409,5 кг). Таким образом, Хосров Ануширван добился небывалого в истории взаимоотношений Ирана и Византии – с начала его правления и до 568 г. Константинополь выдал Ктесифону около 6 тонн золотой монетой. Эти огромные финансовые средства позволили Ирану решить важнейшие военно-стратегические и политические задачи по обеспечению своей безопасности и приступить к созданию колоссальной фортификационной системы на Восточном Кавказе – в Дербентском проходе и прилегающей к нему горной зоне.

Каменный оборонительный комплекс Дербента, сменивший сырцовые укрепления города, возведенные в 440-х гг. в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457), стал вер-

шиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе кордонных, так называемых «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческим мирами.

Дербентская оборонительная система включила в себя два основных элемента. Первый – это собственно город, получивший название *Дербент* (точнее *Дарбанд* – от перс. *дар* ‘ворота’ и *банд* ‘узел, плотина, преграда’). Это имя впервые засвидетельствовано армянским ученым VII века Ананием Ширакаци в его «Географии» («Ашхарацуйц»): «...до него (Каспийского моря. – М.Г.) доходит хребет Кавказа, на котором построена стена Дарбанда, что значит «связка» и «ворота», город стражи Чора, огромная башня, сооруженная в море». Город архитектурно оформляли цитадель (носящая ныне название Нарын-кала), расположенная на вершине отрога Джалганского хребта и занимающая площадь 3,5 га, и две (южная и северная) городские стены, отходившие от цитадели и полностью перегородившие узкую (около 3,5 км) полосу приморской равнины и уходившие в море на расстояние около 150 м. Между городскими, почти параллельными, стенами, обнимавшими площадь свыше 140 га, располагался собственно город (*шахристан*), обживаемая территория которого составляла в сасанидский период около 30 га.

Вторым основным элементом Дербентского оборонительного комплекса являлась Даг-бары – «Горная стена», кото-

рая брала начало у юго-западной угловой башни цитадели города и представляла собой систему оборонительных стен, башен, фортов, крепостей, протянувшуюся в горы на расстояние 42 км до неприступного хребта Кара-сырт («Черный хребет») и предотвращавшую возможность перехода на юг, в Закавказье, минуя Дербентский проход.

Расположение укреплений и фортов Даг-бары. Фото из космоса (по: Google Imagery, 2007).

нуют дербентцы. Насколько древним является название *Дарбанды*, сказать трудно.

Наиболее раннее наименование этой оборонительной линии приведено у Ширакаци (VII в.) – «стена Дарбанда». Это же название – «стена Дарбанда» упоминает Хамза Исфакхани (X в.). Персидское и, очевидно, более раннее название приводит Мухаммад ибн Исфандийар (нач. XIII в.) – *Гав-бара* «Бычья стена». Как заметил А.К. Аликберов, это древнее, видимо, восходящее ко времени сооружения Горной стены наименование связано с обозначением вполне определенных гор и корректнее переводить его как «Кавказская стена». Для обозначения Кавказских гор античными и раннесредневековыми авторами употреблялся и термин Тавр ('бык' – греч. *ταυρος*, лат. *taurus*; араб. *thawr*). Например, по Прокопию Кесарийскому (VI в.), хребет Тавр проходит и «по землям албанцев и иберов, а также других обитающих здесь племен, либо независимых, либо подвластных персам»; в горах Тавра он помещает и Каспийские ворота, через которые «гунны нападают на земли Персидские или Ромейские». В свете этих данных предложенная версия объяснения персидского наименования *Гав-бара* выглядит достаточно убедительной.

Ал-Масуди (ум. в 956 г.) называет эту оборонительную линию просто «Стена» (араб. *sadd*). В «Трактате о Бабидах» (XVI в.), восходящем к более ранним источникам, и у Зайн ал-Абиди-на Ширвани (XVIII в.) Дербентский оборо-

нительный комплекс вместе с Горной стеной именуется «Великой стеной» – соответственно *ас-садд ап-‘азам* и *бару-йи ‘азим*, чем подчеркивается грандиозность и выдающееся значение этого памятника.

В различных более поздних источниках фигурируют и иные названия Горной стены – «Стена Александра» (Искандера) (например, у Адама Олеария) или «Кавказская стена» (например, у Дм. Кантемира). А А.-К. Бакиханов в своем «Гюлистан-и Ирам» (1841 г.) отмечал, что Дербендская стена «в народе и поныне называется Седди Искендер (Александрова преграда)».

В хронике «Дербенд-наме» Мухаммеда Аваби Акташи (XVII в.), автором протографа которого являлся, видимо, Йусуф ал-Лакзи (ум. до 1089 г.), зафиксировано еще одно древнее наименование Дербентского оборонительного комплекса. Хроника, рассказывая о градостроительной деятельности «амира войска» халифа ал-Мансура (754–775) Йазида ас-Сулами в 763–764 гг., сообщает о создании сети укрепленных населенных пунктов вдоль Дербентской оборонительной линии – тринадцати (названных поименно) городов и крепостей, и «эти все города назывались Дарпуш». В источнике термином *Дарпуш* обозначены и один из городов, и вся линия укреплений в целом. По обоснованному мнению А.К. Аликберова, в персидском названии *Дарпуш* представлено две лексемы – *dar* ‘ворота’, ‘горный проход’ и *pūsh* ‘заслон’, ‘заграждение’, ‘укрытие’ (ср.: ср. – перс. *darpušt* кре-

пость, твердыня, форт, *darpuštīh* укрепление, фортификация»), а сам термин имеет значение «Заграждение ворот», что соответствует назначению сети крепостей и оборонительных заграждений, защищавших проходы на юг. Наименования *Дар-банд* и *Дарпуш* в значительной степени синонимичны.

По сообщению Захир ад-Дина Мар'аши (ум. в 1487 г.), автора «Истории Табаристана», укрепления Дербента возводил по поручению Хосрова I его наместник, правитель Дербента Нарсе б. Джамасп. Имена финансового распорядителя и некоторых других участников этого грандиозного строительства донесли до нас среднеперсидские надписи Дербента. Надпись № 29, выявленная нами в 1996 г., позволила правильно прочесть имя главы фискального ведомства области Адурбадаган (в которую входили все закавказские провинции Сасанидов) – *амаргара* Дариуша, контролировавшего и финансировавшего фортификационное строительство. В 2001 г. на форте *Кеджерли-кала* («Крепость, покрытая мхом») была обнаружена единственная зафиксированная на руинах Горной стены среднеперсидская надпись середины VI в. – в ней упоминается строитель или архитектор по имени Рашн. Кроме этих двух лиц, надписи Дербента сообщают нам имена еще трех участников этого колоссального строительства – Адургушнасп, Мошиг и Нарсакан, которые, вероятно, являлись ведущими архитекторами.

Имена же тысяч рядовых участников этой «стройки века»

нам неизвестны, но на стенах Дербентского оборонительного комплекса имеются «автографы» многих из них в виде вырезанных знаков – различных знаков-*нешанов*, тамг. На укреплениях Дербента и Горной стены зафиксировано свыше 500 знаков строителей.

Важнейшим источником сведений о Дербенте и Горной стене являются сочинения арабских и персидских авторов ранне-исламской поры – IX–X вв., а также последующего времени. Но, прежде чем говорить о них, следует упомянуть древнейший арабоязычный письменный памятник, раскрывающий некоторые страницы истории Дербентского оборонительного комплекса. Это обнаруженная нами при исследовании Горной стены в 2001 г. в сел. Митаги большая плита (154x73x10 см) с великолепно вырезанной рельефной куфической надписью 176 г. хиджры (792–793 гг.). Текст ее гласит:

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Скажи: «Он – Аллах – един, Аллах – вечный, не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один». Мухаммад посланник Аллаха, который послал его с ведением по правильному пути и верой истины, чтобы открыть ему всю веру, хотя это и ненавистно многобожникам. Да благословит Аллах Мухаммада и приветствует.

Это построил Кисра и приказал [затем обновить это] раб божий Харун, повелитель правоверных, – да возвеличит его Аллах – в назначение ал-Амин Мухаммада, сына повели-

теля правоверных, наследником престола мусульманда воз-
величит Аллах его [род] и его семью.

Построил.....— да возвеличит его Аллах. [Написано]
рукой Мухаммада сына Абдаллаха в сто семьдесят шестом
году.

Древнейшая официальная арабская надпись, рассказыва-
ющая о ремонтных работах на Даг-бары, 176 г.х.1792 г.

Это одна из древнейших в мире официальных мусульман-
ских надписей. В надписи упоминаются «Кисра», т. е. ша-
ханшах Хосров I Ануширван (531–579), «Харун, амир пра-
воверных», т. е. знаменитый халиф Харун ар-Рашид (786–
809), и «ал-Амин Мухаммад, наследник престола», т. е. стар-
ший сын халифа Мухаммад ал-Амин. Судя по большому
формату плиты, надпись украшала монументальное соору-

жение, а указание в тексте ее на то, что «это построил Кисра», позволяет считать, что она была установлена в кладку Горной стены или одного из фортов этой оборонительной линии. Вместе с тем это древнейший письменный источник арабского происхождения, в котором документировано строительство Дербентского оборонительного комплекса в правление Хосрова I Ануширвана.

Большинство арабских и персидских авторов IX–X вв. (ал-Балазури, Ибн ал-Факих, ал-Масуди, ал-Истахри, Ибн Хордад-бех, Кудама, Ибн Рустэ, ал-Мукаддаси, Хамза Исфакхани) строительство каменной Дербентской фортификационной системы также связывают с именем шаханшаха Хосрова. Например, ал-Балазури (820–892) в своей «Книге завоевания стран» приводит правдивый рассказ о том, как «царь царей» Хосров Ануширван, желая возвести непреодолимые укрепления в Дербенте для защиты своих владений от набегов кочевников, предложил хакану тюрков «мир, дружбу и согласие» и в знак этого «просил отдать ему в жены дочь» – тюркскую принцессу и «послал ему одну из своих рабынь, выдав ее за собственную дочь». Обрадованный возможным в будущем претензиям на трон Ирана, хакан, заключив в Баршалии мир с Хосровом, отправил принцессу к шаху. Хосров же, воспользовавшись мирной передышкой и дабы воины соперничавших держав не враждовали, с согласия хакана возвел «стену из скалы и свинца от моря до вершины гор и повесил у входа железные ворота». Подобные

сведения приводят и другие арабо-персидские авторы. Речь идет о браке Хосрова Ануширвана с дочерью Истеми-хана – правителя могущественного Тюркского каганата, который был заключен в 554 г. и закрепил союзные отношения двух великих держав.

Некоторые арабские авторы IX-X вв. (Ибн ал-Факих, ат-Та-бари) и другие источники сооружение этой оборонительной линии связывают и с именем отца Хосрова – Кавада I (488–531) и даже его деда – Пероза (457–484). Но в свете установленного факта, что Дербентский каменный оборонительный комплекс возводился в правление Хосрова Ануширвана в сер. VI в., следует считать, что в их сообщениях отразились, с одной стороны, представление о невозможности проведения столь колоссальных строительных работ в правление одного государя и, с другой – факт ремонтно-строительных работ по укреплению ранее существовавшей сырцовой фортификации Дербента и при Перозе, и при Каваде, что, очевидно, действительно имело место.

Следует обратить внимание и на то, что и Ибн ал-Факих, и ат-Табари, и «Дербенд-наме» в своих повествованиях рассказывают о строительной деятельности Хосрова Ануширвана в Дербенте, связывая с ним создание каменного оборонительного комплекса. Так, Ибн ал-Факих сообщает, что Хосров построил не только город Баб ал-абваб (Дербент), но и «стену между собой и хазарами шириной в 300 локтей из камня и свинца так, что довел ее до вершины горы, а потом

продолжил конец ее в море и сделал в стене железные ворота».

Далее Ибн ал-Факих приводит со ссылкой на Ахмада Яакуби (ум. в 897 г. или 905 г.) весьма важные данные о Горной стене: «Баб ал-абваб – стена, которую построил Ануширван, ... один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов (около 42 км. – М.Г.) до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; один из этих камней не поднимут 50 человек; эти камни поставлены [один на другой] и пришиты друг к другу железными болтами. На протяжении этих 7 фарсахов устроено семь проходов, у каждого из этих проходов город, и живут в них персидские воины, называемые *сийасикинами*. Говорят, что мужчины из жителей Армении обязаны охранять эту стену и ворота; над каждым проходом привешены ворота, и ширина стены на вершине ее такова, что по ней проедет 20 всадников [в ряд], не теснясь». Эти данные почти дословно в XIII в. привел Закарийя ал-Казвини, но с интересным уточнением, что каждые из семи «железных ворот» – укреплений Горной стены охраняют сто воинов.

Руины Горной стены у сел. Камах.

Также и «Дербенд-наме», рассказывая о деятельности Хосрова на Восточном Кавказе, сообщает, что «он построил город Сул (т. е. Дербент. – М.Г.) и воздвиг над ним длинную стену, длина которой 92 расстояния (араб, *масафа*; тюрк. *агач*. – М.Г.)». В некоторых арабских и тюркских списках поясняется: «близ Дербента», «в трех агачах от Дербенда». Несомненно, что под этой «длинной стеной» понимается *Даг-бары*.

В отличие от них, Хамза Исфакхани (X в.) сообщает, что «стена Дарбанда», сооруженная Хосровом, тянется «от моря до гор на расстоянии двадцати фарсахов», т. е. около 120 км. Еще большую протяженность Горной стены приводит ал-Масуди – по его данным, стена «тянется вдоль горы Кабх, по ее вершинам, ущельям и долинам на расстояние 40 фарсахов

(около 240 км. – *М.Г.*), прежде чем достигнет крепости, называемой Табарсаран». Далее ал-Масуди добавляет, что «через каждые три мили, или больше, или меньше, в зависимости от дороги, для которой служили ворота, Ануширван построил железные ворота (*баб ал-хадуд*)». Три арабских мили составляли *фарсах* (около 6 км), и, таким образом, по данным ал-Масуди, как это можно полагать, вдоль Горной стены было сооружено около 40 укреплений.

Сведения, сходные с информацией Ибн ал-Факиха и Йакуби, приводит ал-Бакуви (втор. пол. XIV – нач. XV вв.), дающий название горы, до которой доходит стена – *Ашаб*.

Об использовании «свинца и камня» при сооружении укреплений Дербентского оборонительного комплекса рассказывают многие авторы IX–X вв. – ал-Истахри, Ибн-Хаукал, Ибн ал-Факих, ал-Мукаддаси. Особый интерес вызывает информация Хилала ас-Саби (X в.), который сообщает, что «в каждом каменном блоке имелись два отверстия, а в каждом отверстии – залитый свинцом железный стержень». Как отмечал акад. В.В. Бартольд (1869–1930), «это явно был тот же метод строительства, с которым, по сообщению ат-Табари, прежний архитектор царя Хосрова Парвиза познакомил арабов в Куфе: привезенные из гор Ахваза (Хузистан) камни просверливались и заполнялись свинцом и железными стержнями. В самом деле, такие отверстия могут быть обнаружены в отвалившихся от стен Дербента блоках; от железа и свинца уже давно ничего не осталось». При обследо-

ваниях руин одного из фортов в 2003 г. нами был зафиксирован подобный прием прочного соединения облицовочных камней кладки башни.

Интерес представляют сведения Ибн ал-Факиха о «персидских воинах, называемых *сийасикин*» и «мужчинах из жителей Армении», которые были поселены в укрепленных пунктах вдоль Даг-бары и были «обязаны охранять эту стену и ворота». Кудама также говорит о воинах Хосрова по имени *сийасиджун*, которым вменялась в обязанность охрана горных проходов и дорог вдоль Даг-бары. Ал-Балазури и позднее Ибн ал-Асир (1160–1234) поясняют, что эти воины были прозваны Хосровом *сийасиджин* (вар. *саджун*, *сийабиджа*), что указывает на нарицательный характер этого термина, обозначающего военных колонистов-поселенцев. Система таких пограничных гарнизонов, как писал Дж. Крамерс, «очень напоминает нам военную организацию в Византийской империи в VII веке, а также во многом пограничные посты, называемые *рибат*, в Исламской империи халифов».

Ал-Истахри (ум. в 934 г.) в «Книге путей и стран», в отличие от Ибн ал-Факиха, пишет не о семи укреплениях, а о четырнадцати крепостях, в которых живут «приставленные для охраны этих дорог, по которым ходят хазары в земли исламские», люди из Мосула, Дийар-Рабийа (область в Джазире) и Сирии (Шам) – «они известны под именем этих же племен, и язык сохраняется из рода в род; над ними нет никакого начальника, и они наблюдают над воротами». По данным

ал-Масуди, Хосров «с внутренней стороны у каждого ворот поселил отдельные племена, чтобы охранять ворота и при-
мыкающую часть стены; все это для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству с этой горой, а именно от хазар, аланов, различных тюрков, сарирцев и других неверных».

Руины форта Шелкени-кала.

О представителях различных племен, поселенных вдоль Даг-бары, ал-Масуди сообщает и в другом пассаже своего сочинения, в котором ярко подчеркнуто важнейшее военно-стратегическое значение Дербентского оборонительного комплекса: «Если бы Господь в своем всеведении, всемогу-

ществе и милосердии не помог царям Ирана построить город ал-Баб и его стены на суше, в море и на горах, а также другие замки, а также поселить здесь людей различных народностей и назначить царей различных рангов, то цари хазар, аланов, сарирцев, тюрков и других народов, несомненно, дошли бы до областей Бардаа, ар-Ран, Байлакан, Азербайджан, Занджан, Абхар, Казвин, Хамдан, Дайнавар, Нихаванд и других мест ... вплоть до Ирака».

Ему вторит Йакут ал-Хамави (1179–1229), обращая внимание не только на разноплеменный состав военных колонистов и значение этой оборонительной линии, но и подчеркивая ее политическое и экономическое положение и присутствие в числе поселенцев представителей местных восточнокавказских, главным образом южнодагестанских, народов: «Хосрой (т. е. сасанидские цари. – *М.Г.*) придавали этой пограничной области большое значение ввиду ее важности и внимательно следили за всеми ее делами. Поэтому для [обороны] этого места были назначены стражи из переселенцев из разных стран и людей, пользующихся у них доверием. Этим людям разрешалось строить все, что они считали необходимым для охраны края от разных тюркских племен, неверных и других врагов, и для этого они не запрашивали центральные власти и не обременяли ее расходами. В числе стражей, поставленных там, есть народ, именуемый табарсаран, соседний с ним народ филан, многочисленный и храбрый народ лакзов, лайзаны, ширваны и другие. Каждому из

этих народов, располагавших большим количеством всадников и пеших воинов, было поручено для защиты определенное место».

Хамза Исфакхани дополняет эти сведения, сообщая, что Хосров Ануширван назначенным «в каждую местность» предводителям (араб. *куввад*), т. е. главам военно-административного управления, предоставил войско и выделил «*сук* (земельный участок) в качестве *дий'а* (земельный надел), определил его *вак-фом* их потомкам. Их потомки стали с того времени охраной пределов страны». Здесь мы имеем важное свидетельство о такой категории земельной собственности, как *дий'а*, представляющей собой в данном случае земельные угодья, выделенные, очевидно, из государственного фонда и предоставленные в условное держание (в качестве военного лена) с правом наследования. Конечно, сами воины вряд ли обрабатывали эти угодья и, скорее всего, сдавали их арендаторам. Эти земельные наделы обеспечивали жизнеспособность и экономическую основу гарнизонов Горной стены, и очевидно, что доходы с них не облагались земельным налогом (ср. – перс. *хараг*; араб. *харадж*), будучи предоставленными фактически в полное распоряжение воинов – владельцев этих участков.

Возможно, к этому времени относится и административно-территориальное разделение зоны Горной стены на определенные *масуки* или *рустаки* – округа, включавшие деревни и их земельные угодья, которые обслуживали соот-

ветствующие воинские гарнизоны. Абу Хамид ал-Гарнати (1080–1169/70), который посетил Дагестан и Дербент во второй четверти XII в., в своем сочинении отметил деление Табасарана (через земли которого проходила Горная стена) на 24 рустака, «в каждом из которых находится *сарханг* подобно *амиру*». Можно, очевидно, полагать, что это военно-административное деление Табасарана восходит к сасанидской эпохе, и некоторые из фортов Горной стены, расположенных в Табасаране, являлись резиденциями *сархангов*.

Защита северных рубежей Иранской державы предполагала привлечение на свою сторону местных народов и владельцев политических образований Восточного Кавказа, включенных в состав государства Сасанидов, но обладавших значительной автономией. Важная роль в организации единой системы обороны отводилась представителям местной высшей власти и аристократии. Ал-Масуди сообщает, что царям различных народов, чьи воинские контингенты были размещены в укреплениях Горной стены, Хосров «дал различные степени, отличив каждого царя (*малик*) особым именем и определив ему границы...». Далее он упоминает эти «особые имена» – титулы некоторых из этих владельцев, и все они снабжены приставкой *шах*.

Пожалование правителям небольших, но стратегически важных государственных образований Восточного Кавказа, представлявших собой буферные политические структуры на северной границе Иранской державы, титула *шах* нахо-

дилось в соответствии с нормами позднесасанидской номенклатурно-иерархической практики и являлось признанием значительной самостоятельности правителей этих пограничных областей. Также и в сообщении Хамзы Исфгани (X в.) о пожаловании Хосровом Ануширваном правителям Восточного Кавказа халатов-*каба* с изображениями различных животных – популярных персонажей сасанидского искусства, представленных на тканях, штукowych панно, скальных рельефах, серебряных блюдах, резных камнях, – нашли отражение социальный статус, административный ранг и высокое политическое положение их обладателей.

Очевидно, что все воинские контингенты Сасанидов, размещенные в укрепленных пунктах Дербентского оборонительного комплекса, были подчинены единому командованию, представленному верховным главой военно-административного управления – *марзбаном* или *шахрийаром* Дербента. При Хосрове I Ануширване, в период строительства Дербента, марзбаном, очевидно, являлся Нарсе сын Джамаспа. Известны имена еще двух наместников Дербента – это фигурирующие у ат-Табари *марзубан ал-Баба* (т. е. Дербента) Биндуван, являвшийся братом известного сасанидского полководца Рустама сына Фаррухзада (погибшего в битве с арабами при Кадисийе в 637 г.), и *шахрийар* Дербента, бывший представителем знатного иранского рода Шахр-Вараз и ведший переговоры с арабами в 642–643 гг.

Командование на местах осуществляли, очевидно, *сар-*

ханги – этим иранским титулом, применяемым для обозначения «офицера», командира, командующего воинской группой, подразделением, обозначены в приведенном сообщении ал-Гарнати главы 24 рустаков Табасарана. Абу Али Мухаммад Балами (ум. в 974 г.), рассказывая в своей «Истории Табари» о деятельности арабского полководца Сураки ибн Амра на Восточном Кавказе, в «стране ал-Баб» и его переговорах с наместником Дербента в 642–643 гг., сообщает, что Сурака заключил мир не только с наместником города, но и с военачальниками всех опорных укреплений (*дербендов*) оборонительной линии, которых он обозначат термином *сарханг*. Как установил А.Р. Шихсаидов, у Балами под термином *дербэнд* «следует понимать отдельные дороги, проходы, отдельные ущелья или даже группу населенных пунктов, связанных с этими ущельями или путями своим расположением». В случаях, имеющих отношение к «стране ал-Баб», под *дербендами*, во главе которых стояли *сарханги*, надлежит понимать и укрепленные пункты (форты) Горной стены, расположенные в стратегически важных местах и контролировавшие горные проходы и ущелья, перевальные пути в обход Дербента. Вместе с тем ясно, что в подчинении *сархангов* находились отдельные участки Дербентской оборонительной линии. Можно думать, что таких участков вдоль Даг-бары было 7 или 14 – соответственно количеству основных проходов (ворот и крепостей), насчитываемых арабскими авторами вдоль Горной стены.

Руины форта Юхари-кала.

О привилегированном положении приграничных областей и населения Восточного Кавказа при последних Сасанидах свидетельствуют переговоры наместника Дербента Шахрбараза с арабами и текст охранной грамоты, выданной арабским полководцем Суракой ибн Амром, приведенные в труде Табари. Первые отряды арабских воинов, предводительствуемые знаменитыми полководцами Салманом ибн Рабиа, Абдурахманом ибн Рабиа, Суракой ибн Амром, Абдаллахом Хабибом ибн Масламой, появляются в Дербенте –

Баб ал-аббабе в 642–643 гг.

Ат-Табари и Ибн ал-Асир сообщают, что в этот год наместник *шахрийар* Дербента Шахрбараз – представитель знатного и древнего иранского рода – «заключил в арабами мир, но *джи-зью* (подушная подать с иноверцев. – М.Г.) платить не хотел». Подчеркивая особое военно-стратегическое положение и значение города, он заявлял: «Я нахожусь между двух врагов. Одни из них хазары, другие русы... Кроме жителей этих местностей, нет других, кто (мог бы) воевать в ними. Вместо *джизьи* мы будем воевать», «наша *джизья* вам – это помощь вам и выполнение [всего] того, что вы пожелаете; не унижайте нас посредством *джизьи*, [иначе] вы обессилите нас на пользу врагам вашим». С разрешения халифа Омара Сурака ибн Амр пожаловал Шах-рбаразу, жителям города «и тем, кто вокруг них» грамоту, по которой «он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (*джиза*), кроме призыва в войско (*хашир*), а призыв в войско – это замена их повинностей».

В охранной грамоте предусматривались не только безопасность жизни горожан, сохранность их имущества, но и религиозной общины (араб. *милла*), то есть свобода вероисповедания. В данном случае речь, очевидно, идет о зороастрийцах и христианах Дербента, которые, как и иудеи, относились к иноверцам – араб. *зимми*, что означало нахождение

ние под защитой мусульман.

Как видно из текста охранной грамоты, арабами на самом высоком государственном уровне фактически было подтверждено особое положение Дербента и в целом Дербентской оборонительной системы, которое этот важнейший пограничный комплекс занимал при Сасанидах. Необходимо отметить, что ат-Табари для обозначения Дербента использует только название *ал-Баб*, под которым понимался не только город, но и страна (*билад ал-Баб*), а Балами прибегает как к арабской форме *Баб ал-абваб*, так и к персидской – *Дербенд*, *Дербенд Хазаран*. По Балами, мирный договор Сурака установил и с *сархангом* каждого *дербенда*, т. е. с главами определенных участков оборонительной системы: «все *дербенды* заключили мир с условием защитить мусульман от всякого *дербенда* и всякого врага, кто против них, чтобы мусульмане не держали там войска и чтобы впредь никакое войско не проникло в мусульманские земли; каждого из этих *сархангов* Сурака отправил в отдельный *дербенд* или город (*шахр*), который был в горах Дербенда». Балами, дополняя ат-Табари, сообщает, что «[с тех пор] стало правилом не брать ни *джи-зы*, ни *хараджа* [с жителей] всех *дербендов* с тем, чтобы они удерживали неверных (*кафиров*) от мусульман, вели с ними своими силами войну».

Письменные источники содержат важные данные об укреплении арабами Дербентского оборонительного комплекса, включая Горную стену, начиная со времени правле-

ния халифа Хишама (724–743) в наместничество на Кавказе его брата Масламы, сына халифа Абд ал-Малика (685–705). Работы проводились и в нач. 750-х гг. при наместнике Абу Джафаре, брате халифа Абу-л-Аббаса ас-Саффаха (750–754), который затем сам стал халифом – основателем династии Аббасидов. В его правление (754–775), точнее – в 760-х гг., были проведены огромные работы вдоль Горной стены – сюда было переселено 7 тыс. человек из Шама, Джебзиры, Мосула, 30 тыс. человек из других областей халифата, которые были размещены «во вновь построенных городах и крепостях», а также еще 30 тыс. воинов из Хорасана и 12 тыс. из Шама. Йазид ас-Сулами, «амир войска» и арабский наместник, с целью укрепления северных рубежей халифата от «злодеяний и вреда кафиrow» по повелению халифа построил вдоль Горной стены «города» и крепости Дуара, Сегна (Сигна), крепость в долине *бану* Хашим, Сувар, Митаги, Камах, Семнан (Шелкени-кала), Дарвак, Йерси, Медине (Майдан?), Химейди (ал-Хумайдийа), Малый Ухейл и Большой Ухейл (Арджил?), Дарпуш, Йезидийе, Сермекийе, Мукатир и Махрака. Многие из упомянутых пунктов идентифицируются с ныне существующими селениями, расположенными вдоль Горной стены и бывшими важными опорными пунктами арабов. Арабы, утвердившиеся в Южном Дагестане, активно использовали в своем противостоянии с хазарами созданную здесь при шаханшахе Хосрове мощную оборонительную систему. Проведенные на ряде фортов Гор-

ной стены раскопки показали их функционирование на протяжении VI–XII веков. Об этом свидетельствуют и немалочисленные арабские надписи почерками *куфи* и *наسخ*, выявленные на укреплениях Даг-бары.

Ремонтные работы на Горной стене были проведены и при халифе Харун ар-Рашиде, как об этом свидетельствует обнаруженная нами древнейшая официальная арабская надпись 176 г. хиджры (792 г.).

Следует отметить, что среди жителей опорных пунктов (таких как Джалган, Митаги, Рукель, Кемах, Зидьян, Бильгади, Гимейди, расположенных вдоль Даг-бары) еще в недавнем прошлом были представлены таты-мусульмане, язык которых относится к юго-западной группе иранских языков и предки которых, как единодушно считают исследователи, были поселены на территории Восточного Кавказа и в зоне Дербента в качестве военных колонистов в результате переселенческой политики Сасанидов, особенно в период правления Хосрова Ануширвана и строительства Дербентского оборонительного комплекса.

В арабский период укрепления Даг-бары и особенно конкретные форты и опорные центры, расположенные вдоль этой оборонительной линии (Митаги, Кемах, Зидьян, Бильгади, Шалкани, Гимейди, Дарваг, Ерси и др.), с размещенными в них гарнизонами приобретают и новое качество – они выступают не просто военно-стратегическими пунктами, противостоящими угрозе «неверных», но оплотами и

распространителями ислама в зоне пограничья (араб. *сагр*) или, как их называют источники (Йакут, Исфахани, «Тарих ал-Баб» и др.), «исламские центры» (араб. *ал-маракиз ал-исламийа*).

Превращаясь в «исламские центры», конкретные укрепленные поселения и форты Горной стены становились военно-религиозными аванпостами с размещенными в них гарнизонами «воинов ислама», *гази*ев – «борцов за веру», которые, как известно, занимали высокое место в социальной структуре Дербента и играли важнейшую роль в политической жизни города. То есть эти укрепления Даг-бары становились *рибатами*, под которыми в VII–XII вв. понимались укрепления (форты, крепости) в районах военного противостояния мусульман и иноверцев (Малая и Средняя Азия, Северная Африка, Кавказ), в которых обитали вооруженные борцы за веру (*мурабитун*), как правило, добровольцы, участвовавшие в военных действиях с немусульманами и соблюдавшие строгие правила благочестия. По словам Дж. С. Тримингема, «*рибаты* в пограничных районах играли роль очагов ислама в немусульманском окружении. Это были наблюдательные станции и пограничные заставы – члены их гарнизонов нередко становились активными пропагандистами ислама». К XI в., как установил А.К. Аликберов, происходит трансформация пограничных *рибатов*, расположенных вдоль Дербентской оборонительной системы, в *рибаты* суфийские, чему в значительной степени способствовал

именно *газийский* состав гарнизонов этих укреплений, представлявший собой своего рода религиозное воинство, которое приносило себя в жертву за веру в войне против «неверующих». Как отмечала А. Шиммель, «термин *рибат*, по происхождению связанный с приграничными поселениями солдат, защищавших ислам и распространявших его, мог также употребляться в значении центра (суфийского. – М.Г.) братства».

Усилия по укреплению Баб ал-абваба, «исламских центров» и всей оборонительной линии Даг-бары после арабов продолжили независимые правители «Баб ал-абваба и пограничных областей» – *амиры* местной династии Хашимидов (869–1077), а затем династии Аглабидов (1077–нач. XIII вв.). По данным «Тарих ал-Баб», в правление *амира* Хашима б. Сураки (869–884) «в делах пограничных областей и центров царствовал порядок». «Исламские набеги» (*газв*) *газиев* Дербента, пограничья (*ас-сагр*) и «исламских центров» во главе с *амирами* против «неверных» соседних царств и владений (Хазария, Шандан, Сарир, Карах, Зирихгеран), как и отражения нападений *кафиров* (хазар, алан, хайдаков, шанданцев, сарирцев, гумиков, русов), о которых рассказывает «Тарих ал-Баб» и другие источники (ал-Масуди, Абу Хамид ал-Гарнати), обуславливали необходимость соответствующего, отвечающего сложной военно-политической ситуации, содержания в должном порядке Дербентской оборонительной системы.

Руины одной из башен Горной стены.

В сведениях восточных авторов обозначены основные противники, против которых был возведен и противостоял Дербентский оборонительный комплекс. Причем, если в позднесасанидский период (VI-сер.VII в.) они представлены, главным образом, объединениями кочевников – это тюрки, хазары, аланы, абхазы (савиры), банджары (булгары), баланджары, то в арабский и последующий периоды (сер.VII–XI вв.), помимо хазар и алан, к ним добавляются русы, начав-

шие совершать набеги на западное и южное побережья Каспия, и местные народы – хайдаки, шанданцы, сарирцы, гумики. Последнее находит объяснение в том, что если при Сасанидах дагестанские этно-политические образования и их правители находились в союзнических отношениях с Иранской державой, то в последующие века, с выходом на историческую арену Кавказа арабов и последовавшим военным насаждением ислама, местные владетели стали активно противостоять захватнической политике халифата и чуждой им религиозной системе.

Свое значение Дербентская оборонительная система, включая комплекс укреплений Горной стены, продолжала сохранять и в последующем – в период появления и господства в Закавказье турок-сельджуков. В это время «исламские центры», рибаты продолжали активно функционировать.

Названия многих фортов Горной стены сохранялись еще в конце XIX – нач. XX вв.: Пирмешки (Пир-Дамешки), Короглы-кала, Сулар, Исти-сулар, Шурсу, Бурдж, Кеджерли-кала, Зевери-кала, Дюздан-кала. Види-кала, Бильгади, Сар-кала, Телль, Хамадан-кала, Мехмет-Карим-кала, Шелкени-кала, Капулу-кала, Душма-кала, Такка-кала, Патаюн-кала, Новруз Али-кала, Хасан-бей-кала, Бабану-кала, Паланги-кала (Седжур-кала), Мугара-кала, Бегляр-кала, Дервиш-кала, Кобикала, Ишекли-кала, Махрагах-кала, Ахай-кала, Огрикала, Башим-дишим-кала, Чипсухан-кала, Орнург-кала, Абдулла-бег-кала, Рамазан-кала, Кадах-кала,

Моти-кала, Мирза-кала, Ахме-кала, Новруз-кала, Эмиз-гя-кала, Харариль-кала, Зейдах-кала, Тулар-кала, Хим-ларик-кала и Чухна-кала (Чухун-кала). Некоторые из этих названий, закрепленных за конкретными фортами Горной стены, дожили до наших дней.

Начиная с XIV в. письменные источники, представленные уже европейскими и русскими авторами (Иоанн де Галонифон-тибус, Дженкинсон, Бэрроу, Ф. Котов, Олеарий), посещавшими Дербент, фиксируют наличие и состояние Горной стены, которая, как видно из их кратких описаний, пришла в упадок. Обращает внимание, что начало фиксации эти-ми иностранными авторами положения укреплений Горной стены относительно совпадает с последними известиями о ее функционировании как единого комплекса. Можно считать, что XIII–XV вв. были периодом постепенного упадка этой оборонительной системы и прекращения функционирования многих ее фортов. Хотя в некоторых фортах, расположенных близ Дербента, некоторые авторы XVII в. (Олеарий, Стрейс) отмечают наличие сефевидских гарнизонов.

Отмечаемое авторами XVI–XVIII вв. разрушение Горной стены было результатом прекращения активного функционирования этой оборонительной линии как цельной фортификационной системы из-за потери ею своего основного военно-стратегического назначения и, как следствие, утраты контроля за ее состоянием. Это приводило к постепенной ломке укреплений местным населением с целью получения

строительного камня. Начавшийся около 500 лет процесс уничтожения этого уникального памятника людьми и природой, к сожалению, продолжается и ныне.

Отдельные сведения о Горной стене содержатся в сочинениях различных путешественников, писателей, исследователей, натуралистов XVII–XIX вв. (О. Даппер, Т. Висен, Э. Кемпфер, Дж. Хэнвей, И. Стефангаген, Э. Ейхвальд, Дж. Бесе, Ф. Боден-штедт, И. Шопен, А. Пецхольд, Г. Абих, Ж. Байе, А. Дюма и др.), в трудах известных историков и этнографов XVIII–XIX вв. (Ж. Сен-Мартен, К. Кох, Б. Дорн, Ж. Морган, И. Березин и др.).

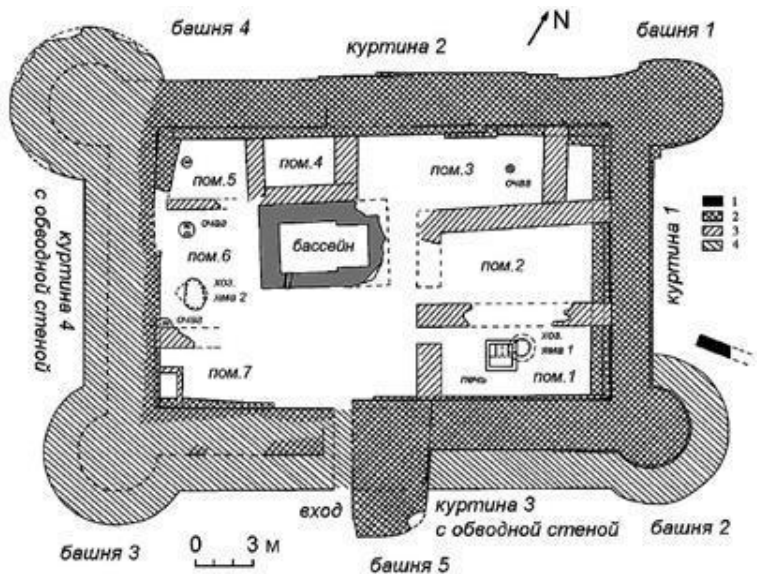
Важный вклад в исследование Горной стены в XIX–XX вв. внесли А.А. Бестужев-Марлинский, Дж. Эберкромби, П.И. Спасский, Е.А. Пахомов и особенно С.О. Хан-Магомедов, обследовавший ее в 1950-х гг. Тем не менее этот памятник, несмотря на свою грандиозность, на внимание к нему многих средневековых авторов, исследователей нового и новейшего времени, на серию публикаций о нем, до последнего времени оставался все еще малоисследованным. Не были известны, освещены или оставались спорными многие вопросы, связанные с историей этого уникального монументального памятника раннесредне-векового оборонного зодчества, функционировавшего на протяжении нескольких сот лет. Достаточно сказать, что не были определены точная протяженность этой оборонительной линии, количество укреплений, фортов, башен, важнейшие стратегические участки

ее, не были решены другие важные историко-архитектурные вопросы. Между тем историческое значение и военно-стратегическая роль этой колоссальной оборонительной системы, сооруженной на границе двух миров – оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого, были весьма велики.

На эти вопросы призваны были ответить исследования, проведенные Дербентской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № № 98-01-18015, 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 02-01-18043е, 03-01-18030е, 04-01-18067е).

Первым объектом программы изучения этой грандиозной фортификационной линии стал форт 1, расположенный в 150 м на юго-запад от цитадели Нарын-кала. Раскопками 1998–2001 гг. было полностью вскрыто это укрепление, представляющее собой небольшую прямоугольную крепость с внутренними размерами 14,5х23,5 м при толщине стен 2,0–2,6 м. По углам форт был укреплен четырьмя башнями диаметром 4 м, еще одна башня фланкировала узкий вход в крепость. В арабский период (VIII–IX вв.) на территории форта сооружаются 8 помещений для гарнизона, а позже, в X–XI вв., в центре форта – крупный водосборный бассейн объемом ок. 30 тонн, к которому подходил водовод из керамических труб.

Как было установлено раскопками, в XI в. на форте проводятся крупные ремонтные работы – с южной стороны к крепости пристраивается новая оборонительная стена, которая увеличила диаметр башен и толщину стен в два раза. Эти археологические факты как нельзя лучше свидетельствовали о сложившейся в это время военно-политической ситуации на Восточном Кавказе. С сер. VI в., когда был возведен этот форт, и до X в. укрепления Дербента были направлены на север, против угрозы кочевников и их союзников, против «неверных». С конца же X в., с разгромом Хазарского каганата, распадом Арабского халифата и образованием на его просторах самостоятельных государств, на Восточном Кавказе возникают Дербентский эмират с его «республиканско-монархической» формой правления и южнее – государство ширваншахов. Вскоре они начали между собой многолетнюю кровопролитную войну за пальму первенства на западном побережье Каспия, за контроль над международной торговлей по Прикаспийскому пути, за решение территориальных претензий. В это время укрепления Дербента становятся направленными в значительной мере на угрозу с юга. Хроника «Тарих ал-Баб», написанная в Дербенте в нач. XII в., сообщает о частых сражениях между войсками Дербента и Ширвана, о неоднократных ремонтных работах по укреплению фортификации Дербента в кон. X – 60-х гг. XI вв.

План форта 1 – «Кала Сул».

В связи с проводившимися археологическими исследованиями на форте 1 особый интерес вызывает сообщение хроники «Тарих ал-Баб» о том, что после смерти эмира Дербента Лашкари в 1001 г. ширваншах Йазид предложил жителям ал-Баба (Дербента) дать согласие на восстановление «крепости ал-Баба (т. е. цитадели Дербента. – М.Г.) с крепостью Сул». «Народ ал-Баба» поначалу отклонил это предложение. Но в 1019 г., после ряда политических событий, горожане призвали на правление Йазид, который «восстановил кре-

пость и разместил там гарнизон из своих войск». Ремонтные работы на укреплении нашли отражение в материалах раскопок форта. И эти взаимодополняющие данные письменно-го источника и археологии дали веские аргументы для отождествления данного форта с *крепостью Сул (кала Сул)*, упомянутой в «Тарих ал-Баб» вместе с цитаделью Дербента, а также идентификации с Дербентом важного военно-политического и религиозного центра Кавказа III–VI вв., известного под названиями арм. *Чор//Чол*, груз. *Чора*, сир. *Торайе*, греч. *Тзур*, араб. *Сул*. Кстати, это древнее название Дербента отложилось и в ряде дагестанских языков, как на то неоднократно обращали внимание исследователи, начиная с известного лингвиста, барона П.К. Услара – дарг. *Чулли*, кубач., лак. *Чурул*, авар. *Чор*.

Форт функционировал около 700 лет и потерял свое стратегическое значение в начале XIII в., после нашествия монголов, когда Дербент значительно ослаб. Но в XVII в., по сообщению Адама Олеария, в нем еще размещался небольшой гарнизон сефевидского наместника Дербента из племен *аюрумлу* и *койдуриша*, которые располагались и в цитадели Нарын-кала. Это укрепление возвышалось еще в начале XVIII в., и оно обозначено на планах Дербента этого времени. Затем форт был почти полностью разобран, так что в наши дни студенты и рабочие, принимавшие участие в раскопках этого памятника, удивлялись тому, как археологи узнали, что на этом месте под землей находились такие внуши-

тельные руины древней крепости – крепости, вновь обретшей свое древнее имя *Сул*.

В 2001–2004 гг. были проведены тщательные разведочные работы вдоль всей оборонительной линии от форта 1 до последнего форта *Чухун-кала* на вершине хребта Кара-сырт в горном Табасаране. В результате были составлены подробный план Горной стены, планы фортов и башен, выяснены их архитектурные особенности, этапы строительства, определено время активного функционирования отдельных укреплений и фортификационной системы в целом, выявлены важные археологические объекты и находки – знаки строителей, зубцы-мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, обеспечивавшие гарнизоны водой, арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв., расположенные рядом с фортами надмогильные памятники и др. Вновь упомянем открытые уникальные памятники эпиграфики – среднеперсидскую надпись середины VI в. и древнейшую арабскую официальную надпись 792 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.